

На свете смерти нет

(сценарий спектакля памяти святителя Афанасия (Сахарова)

по материалам допросов и писем)

На сцене слева стол под зеленым сукном, на столе керосиновая лампа, тарелка-репродуктор, письменный прибор, стакан в подстаканнике.

Справа «виселица» - деревянная конструкция, на которую в конце спектакля будет повешено било.

Звучит «Кто ны разлучит...» в исполнении хора Сретенского монастыря.

На сцене появляется РЕБЕНОК. В его руках свеча. Он проходит через всю сцену. На сцене появляется ОФИЦЕР. На нем френч, фуражка 30-х с синим околышем. Ребенок и Офицер встречаются глазами, расходятся.

Свеча горит. Ребенок уходит в кулису.

Офицер ставит на стол старый кожаный портфель, садится за стол, зажигает лампу, кладет фуражку на стол, достает из портфеля большую картонную папку «Дело», открывает ее, начинает внимательно изучать.

Офицер включает тарелку-репродуктор. Из репродуктора громко голос Вышинского: «Мы требуем задавить проклятую гадину! Собаке собачья смерть!».

Неожиданно громко звучит Концертный марш И. Дунаевского.

На сцене появляются ДЕВУШКИ-АНГЕЛЫ. Их восемь. На них телогрейки, юбки, водолазки, грубые ботинки. На головах платки. Ангелы выносят на сцену различные предметы: ставят посредине авансцены лавку, матрасы, деревянные чурбаны, вешают било.

Последним выходит 1 АНГЕЛ. В его руках большая картонная коробка. 1 Ангел садится посредине сцены на корточки спиной к зрителям.

Музыка стихает.

ОФИЦЕР: Заключение по делу № 16345 гражданина Сахарова Афанасия Григорьевича, обвиняемого в возмущении верующих масс на религиозной почве.

2-Й АНГЕЛ: Арестован 23 сентября владимирским губотделом ГПУ и содержится во владимирском губисправдоме.

3-Й АНГЕЛ: В 1920 году арестовывался за устройство без разрешения властей крестного хода во время военного положения во владимирской губернии.

4-Й АНГЕЛ: в 1922 году арестован за агитацию против сдачи церковных ценностей и за хищение таковых.

5-Й АНГЕЛ: 1922 года 9-го ноября я, помощник начальника 6 отдела СОГПУ, рассмотрев следственный материал по сему делу и постановление владимирского губотдела ГПУ нашел:

6-Й АНГЕЛ: Дело его возникло на основании заявления уполномоченного ВЦУ по Владимирской епархии, заявившего о том, что епископ Афанасий своим поведением и проповедями против ВЦУ возмущает верующие массы и распространяет слухи о вмешательстве Советской власти во внутренние дела церкви.

7-Й АНГЕЛ: Хотя конкретных фактов предъявленного ему, Сахарову, обвинения следствием не доказано, тем не менее, принимая во внимание то, что он относится к числу высших церковных иерархов, ведущих все время контрреволюционную политику, считаю дальнейшее пребывание его во Владимирской епархии с политической точки зрения не допустимо, а потому полагал бы:

8-Й АНГЕЛ: Гражданина Сахарова Афанасия Григорьевича выслать в административном порядке в Зырянскую Область сроком на ДВА года.

1-Й АНГЕЛ (*встает из-за машинки*): Гражданин Сахаров Афанасий Григорьевич, 35 лет, холост, сын чиновника, беспартийный, окончил духовную академию, епископ Ковровский и викарий Владимирский, проживает в городе Владимире, ул. Герцена, д. 17. Дело следствием прекратить и сдать в архив.

Во время чтения 1-й ангел раскрывает картонную коробку, вынимает из коробки сложенные белые рубахи и раздает их подходящим ангелам.

Каждый ангел, подходя и беря рубаху, произносит свой текст.

Ангелы развешивают рубахи на «виселицу».

ОФИЦЕР: Будущий святитель Афанасий родился 2 июля 1887 года в селе Паревка Кирсановского уезда Тамбовской губернии в благочестивой семье надворного советника Григория Сахарова. Имя ему было выбрано несколько

необычным образом. Отец написал на маленьких бумажках имена особенно чтимых им угодников Божиих, а потом поднес их сыну, с тем, чтобы он сам выбрал себе имя. Новорожденный ухватился пальчиками за жребий с именем преподобного Сергия.

Во время произнесения этого текста Офицер вырывает из «Дела» лист бумаги, бросает обрывки в фуражку.

1-й ангел достает из фуражки жребий, разворачивает бумажку.

1-Й АНГЕЛ (*читает стихотворение А. Тарковского*):

Я человек, я посредине мира,
За мною мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост -
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянусь, как нищий царь.

Я больше мертвецов о смерти знаю,
Я из живого самое живое.
И - боже мой! - какой-то мотылек,
Как девочка, смеется надо мною,
Как золотого шелка лоскуток.

Во время чтения стихотворения Ангелы достают из коробки последнюю рубаху.

1-й Ангел поворачивается к зрителю спиной, с ее плеч падает телогрейка. 1-й Ангел поднимает руки. Ангелы пытаются надеть на нее рубаху. 1-й ангел кричит «не-ет», подминает рубаху под себя, падает на колени.

2-Й АНГЕЛ: Во Владимирский отдел ГПУ Матери заключенного Епископа Афанасия Сахарова Матроны Андреевны Сахаровой заявление. Прошу Вашего разрешения на ежедневную передачу горячей пищи заключенному Епископу Афанасию Сахарову, так как он мясной пищи не употребляет по своим религиозным убеждениям, а казенная пища выдается мясная, а

поэтому, чтоб ему не оставаться без горячей пищи, я и осмеливаюсь просить на ежедневную передачу, если же это невозможно, то хотя раза три в неделю разрешите. 25 января 1926 г. Мать заключенного Сахарова.

Во время чтения своего отрывка 2-й ангел поднимает 1-го с колен, по-матерински прижимает ее к своей груди, гладит по голове, успокаивает, отводит в сторону.

3-Й АНГЕЛ (*читает без перерыва стихотворение И. Рутенина*):

Заламывает руки пламя свечи,
Как будто холод зреет смутно в нем.
И закрывает худенькие плечи
Голубка-пряха шалью как крылом.

Не поклоняюсь идолу печали,
Но лишь хочу, чтоб, заставляя жить,
Как пальцы десять ласточек сновали,
Перебирая солнечную нить;

И в небесах сентябрьской России
Застыл как след последний взмах крыла,
И зиму всю за пазухой носила
Земля остаток птичьего тепла;

Чтоб день сиял, в надоблачье летая,
И опуская долу рукава.
... Не порвалась бы нитка золотая.
Была бы пряха старая жива...

Офицер разворачивает ее спиной к залу, срывает с нее телогрейку, ангелы надевают на нее рубаху и отводят на задний план. 3-й Ангел садится на скамейку. Он останется там до конца спектакля спиной к зрителям.

4-Й АНГЕЛ (*обращаясь к Ведущему*): А вот я смотрю сейчас на заключенных за дело Христово епископов и пресвитеров, — писал он матери, — слышу о православных пастырях, в других тюрьмах находящихся, какое спокойствие и благодущие у всех. А тюрьмы нам нечего бояться. Здесь лучше, чем на свободе, это я не преувеличивая говорю. Здесь истинная Православная Церковь.

6-Й АНГЕЛ: Мы здесь как бы взяты в изолятор во время эпидемии. Правда, некоторые стеснения испытываем. Но — а сколько у Вас скорбей.

Постоянное ожидание приглашения в гости, куда не хочется. Попробуй тут устоять. А мы от всего этого почти гарантированы.

Во время чтения 4-й Ангел забирает у Ведущего «Дело», передает 5-му ангелу.

5-Й АНГЕЛ (перелистывая «Дело», читает стихотворение Л. Колодяжной):

Читаю я на рассвете
 рассказы в Минее Четьи,
 свитки — о святых.
 Мы перед ними — дети,
 разум наш празден, тих.
 Книга — благая вестница,
 страницы, месяц за месяцем,
 перелистает рука.
 Райской тропой светится
 о жизни святого — строка.
 Посвящены кому-то
 каждый наш день, минута,
 за ними — торопится шаг.
 Не обрета приюта,
 тянется к ним душа.
 Нет, не увидеть воочью,
 только строка кровоточит —
 жизни великой след,
 длиннее, или короче,
 венцом — бессмертия свет.
 Мученики вчерашние,
 на алтарях домашних —
 отроки, жены, князя.
 Путь повторить их — страшно,
 не повторить — нельзя...

В конце стихотворения ОФИЦЕР срывает с 5-го Ангела телогрейку, разворачивает ее спиной к зрителям, Ангелы надевают на нее рубаху, отводят к 3-му Ангелу. Во время убийства 5-го Ангела, 6-й Ангел начинает свой текст.

6-Й АНГЕЛ (читает стихотворение о. Мандельштама):

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
 До прожилок, до детских припухлых желез.
 Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
 Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
 Где к зловещему дегтю подмешан желток.
 Петербург! я еще не хочу умирать!
 У тебя телефонов моих номера.
 Петербург! У меня еще есть адреса,
 По которым найду мертвецов голоса.
 Я на лестнице черной живу, и в висок
 Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
 И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
 Шевеля кандалами цепочек дверных.

На последних строках Офицер срывает с нее телогрейку, Ангелы надевают на нее рубаху, отводят вглубь сцены.

1-Й АНГЕЛ: Работаю по-прежнему ассенизатором. Конечно, соскабливать лед, сбивать примерзший навоз не так легко. Но основная моя работа утром, часа полтора-два. Тут не легко. Иногда прихожу в барак после работы в совершенно мокрой рубахе

2-Й АНГЕЛ: Обычно после возвращения в барак подкрепляюсь маленьким, грамм в 40 ломтиком хлеба (больше не умею выгадывать для этого моего второго завтрака из моих 550 гр.). Хлебушек смазываю постным маслом, которое все еще тянется у меня из вашей посылочки...

1-Й АНГЕЛ (*читает стихотворение С. Фуделя*):

Когда весны капель покажет,
 Что начался Великий пост,
 Ты на божественную стражу
 Шёл сердцем тих, душою прост.

И не сказать теперь словами,
 Как жизнь была с тобой тепла,
 Когда в Четверг Страстной над нами
 Свой счёт вели колокола...

Ты перешёл на новоселье,
 И разбрелись мы кто куда.
 Теперь огонь горит по кельям,
 Который общим был тогда.

Но иногда мы слышим сами,
 От твоего приняв тепла,
 Что каждой ночью там, над нами,
 Свой счёт ведут колокола.

7-Й АНГЕЛ (*читает стихотворение Г. Шпаликова*):

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем,
Весь дом вверх дном перевернем
И праздник для него устроим.

Офицер рисует на ее спине мелом крест, срывает ватник.

7-й Ангел уходит, на ее место становятся 4 Ангела.

ОФИЦЕР: Гражданин Сахаров, следствию известно, что вы, будучи враждебно настроенным к Советской власти, вели среди верующих враждебную агитацию. Дайте по этому вопросу правдивые показания.

В руках у Офицера керосиновая лампа. Во время допроса он освещает лица ангелов лампой.

2-Й АНГЕЛ: Советская власть объявила церковь отделенной от государства и стала вести борьбу с религией. Это несовместимо с моими убеждениями.

ОФИЦЕР: Расскажите следствию, за что вы арестовывались в 1922-м, 1927-м и 1936-м годах?

1-Й АНГЕЛ: Меня обвиняли в проведении антисоветской деятельности. Но я, кроме религиозной работы, никакой другой работы против Советской власти не вел.

ОФИЦЕР: Какое участие вы принимали в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви?

8-Й АНГЕЛ: Я был членом Поместного Собора Русской Православной Церкви, в работах которого принимал деятельное участие.

ОФИЦЕР: Вы обвиняетесь как участник контрреволюционной организации церковников.

2-Й АНГЕЛ: Нет, это я отрицаю.

ОФИЦЕР: Вы обвиняетесь в том, что среди своего окружения вели антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию Советского правительства и ВКПб. Предъявленное обвинение вам понятно?

6-Й АНГЕЛ: Предъявленное обвинение мне понятно.

ОФИЦЕР: В предъявленном обвинении виновным себя признаете?

8-Й АНГЕЛ: Нет, не признаю.

ОФИЦЕР: По чьей рекомендации вы выехали на жительство в Омскую область?

1-Й АНГЕЛ: По совету заключенных в Карлаге.

ОФИЦЕР: Кто эти заключенные? Назовите их фамилии.

8-Й АНГЕЛ: Фамилии этих заключенных не помню.

ОФИЦЕР: Вы арестованы за антисоветскую деятельность, что имеее показать по этому вопросу?.. что имеее показать по этому вопросу?.. что имеее показать по этому вопросу?..

Офицер в отчаянии падает на колени на авансцене.

4-РЕ АНГЕЛА (*читают стихотворение О. Мандельштама*):

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как ычерви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

6-й и 8-й Ангелы уходят за рубахой для 2-го ангела.

1-Й И 2-Й АНГЕЛЫ:

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
 Он играет услугами полулюдей.
 Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
 Он один лишь бабачит и тычет,
 Как подкову, кует за указом указ:

2-Й АНГЕЛ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
 Что ни казнь у него – то малина
 И широкая грудь осетина.

2-го Ангела «убивают».

Звучит «Лунный вальс» И. Дунаевского.

Его танцуют двое Ангелов Танца и Офицер.

6-Й АНГЕЛ (читает стихотворение А.Твардовского):

Лет семнадцать тому назад
 Были малые мы ребятишки.
 Мы любили свой хутор,
 Свой сад,
 Свой колодец,
 Свой ельник и шишки.

Нас отец, за ухватку любя,
 Называл не детьми, а сынами.
 Он сажал нас обапол себя
 И о жизни беседовал с нами.

- Ну, сыны?
 Что, сыны?
 Как, сыны? -
 И сидели мы, выпятив груди,-
 Я с одной стороны,
 Брат с другой стороны,
 Как большие, женатые люди.

Но в сарае своем по ночам
 Мы вдвоем засыпали несмело.
 Одинокий кузнечик сверчал,
 И горячее сено шумело...

Мы, бывало, корзинки грибов,
 От дождя побелевших, носили.

Ели желуди с наших дубов -
В детстве вкусные желуди были!..

Лет семнадцать тому назад
Мы друг друга любили и знали.
Что ж ты, брат?
Как ты, брат?
Где ты, брат?
На каком Беломорском канале?

Последние слова обращены к Офицеру. 6-й Ангел сама снимает с себя телогрейку.

1-й Ангел и 8-й Ангел надевают на нее рубаху.

ОФИЦЕР: 2 февраля 1939г. Сахарова Афанасия Григорьевича, находящегося в заключении на 7-м лагпункте Народному комиссару внутренних дел СССР заявление:

Я – епископ Православной Церкви... в настоящее время я в штрафном Водораздельном отделении, на тяжелых, совершенно изнуряющих, непосильных для меня работах. Я числюсь инвалидом, мне 51 год, у меня плохое сердце, я задыхаюсь при ходьбе, у меня упадок сил. В августе 37 года я без всякой причины был заключен более чем на месяц в штраф-изолятор. К Октябрьским праздникам того 37 года меня вновь без всякой причины и обвинения сажают туда же на месяц. 3 дня майских праздников я провожу в КУРе, к Октябрьским праздникам 38 года меня отправляют на стационарный лагпункт, где я нахожусь до сих пор.

О религиозной свободе не приходится и говорить. Я не только не могу иметь Евангелия или какой-либо религиозной книги, но и крашеное яичко, полученное в посылке и лежавшее на полочке около моей койки в 1-й день Пасхи, вызвало ряд неприятных объяснений...

8-Й АНГЕЛ (*читает стихотворение А. Твардовского*):

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твою жить чертой.

И за твою мглой безгласной
Мы - здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны -

Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И нам, живущим ныне людям,
Не оставаться без родни:
Все с нами те, кого мы любим,
Мы не одни, как и они.

И как бы ни был провод тонок,
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

На последних словах 8-го Ангела «убивают».

ОФИЦЕР: Меня стригут насильно с ругательствами и оскорблениями. Я подаю заявление начальнику 3-го отдела и получаю от него подтверждение моего права носить длинные волосы. Местные власти не желают считаться с этим авторитетным разъяснением, продолжают насиловать меня и оскорблять...

1-й Ангел садится за пишущую машинку, начинает печатать.

Получение посылок сопровождается таким нецензурированием, а копанием не только в посылке, но и в душах и получателя и даже отправителя. Из посылок не выдают не только газеты, но обдирают обложки с пачек сахара, печенья, конфет – все сыпают в одно место.

Как чрезвычайно опасным людям, нам не только не разрешается иметь нож, чтобы разрезать хлеб, или ножницы, чтобы обрезать ногти, - у нас отбирают даже иголки.

Вообще ужасная обстановка бессердечия, черствости, эгоизма, доносов, отвратительное окружение мата даже со стороны занимающих командные посты, воровства...

На этих словах звучит «Кто ны разлучит...» в исполнении хора Сретенского монастыря.

В виду всего этого, решаюсь обратиться к Вам, Гражданин Народный Комиссар. Я не прошу милости, не ищущу сострадания. Если же мое пребывание на свободе не может быть терпимо соввластью, - то дайте распоряжение о заключении меня, хотя бы пожизненно, в закрытую тюрьму, где не было бы тех мучений и нравственных и физических, которые мне приходится переносить в настоящее время. 2-ое марта 1939г. Епископ Афанасий Сахаров.

1-Й АНГЕЛ (читает стихотворение А. Тарковского):

Предчувствиям не верю, и примёт
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Безсмертны всё. Безсмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы всё ужé на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт безсмертье косяком.

На последних словах, 1-Й Ангел надевает на себя рубаху, становится к остальным «убитым».

Ангелы по очереди подходят к «виселице», на которой висит било, молотком бьют по билу и уходят.

Последним уходит Офицер.

На сцене появляется ребенок. В его руках икона свт. Афанасия (Сахарова). Ребенок становится в центр сцены, потом уходит в кулису.

Неожиданно громко звучит Концертный марш И. Дунаевского.

Артисты выходят на поклоны.

КОНЕЦ